

Мария
Кулланда

Кейф — ритуал и образ жизни

Быт – понятие, традиционно не вызывающее возвышенных ассоциаций. Однако его составляющие: дом, утварь, одежда, еда – входят и в другое понятие – образ жизни. А способ жить – работать, праздновать и отдыхать, – несомненно, отражает и способ мыслить.

Европа и мусульманский Восток, ислам и христианство соседствуют уже много столетий. Отношения между этими двумя мирами были весьма разнообразны – от противостояния, религиозных и захватнических войн до сотрудничества, развития торговых и культурных связей. В разные исторические периоды менялся и взгляд христиан Запада и мусульман друг на друга.

Европейцы, пожалуй, раньше заинтересовались своими соседями, да оно и понятно. Захват в VIII в. Испании арабами, а позже появление тюрков в Анатолии и создание одной из величайших в мире империй – государства Османов, на протяжении нескольких веков бывшего источником серьёзной военной угрозы западным странам, – заставили их взглянуть на мусульман с любопытством и страхом. И если к началу Нового времени страх сменился целой гаммой других эмоций – от уважения и благожелательности до презрения и чувства превосходства, – то любопытство, конечно, осталось.

Учёные, посвятившие себя исследованию восточной истории и литературы, чиновники и военные, оказавшиеся в «варварских» краях по долгу службы, путешественники и писатели, охваченные стремлением повидать дальние страны, покинув Европу, попадали в новый для себя мир. Любопытных иностранцев интересовали обычаи и нравы местных жителей, устройство их жилищ и манера одеваться, и уж практически ни один европейский наблюдатель XVIII–XIX вв., писавший о мусульманском Востоке, не обошёл вниманием традиционный для его жителей способа проведения досуга – курения и кофепития.

Мария Всеволодовна
Кулланда – старший
научный сотрудник
Государственного музея
Востока.

Эти два действия занимали серьёзное место в жизни турка или иранца, независимо от его социального положения и достатка, и в сочетании создавали необходимое условие для восточного *кейфа* (в современном жаргонном произношении это арабское слово звучит как «кайф»).

Кофе пришел к османцам и персам в XVI в. с востока, табак чуть позже – с запада. Оба «зелья» быстро завоевали популярность, несмотря на противодействие духовенства и властей и разговоры о том, что пожары в Стамбуле вызваны курильщиками, а употребление в пищу обугленных зёрен противоречит указаниям Корана. При турецком султানে Мураде IV (1623–1640) пить кофе и курить было запрещено, а пойманному на месте преступления грозила виселица. Возможно, именно к этим временам восходит записанное в Малой Азии в начале XX в. знаменитым туркологом В. Гордлевским предание о происхождении табака из экскрементов шайтана. Безжалостно казнил курильщиков и иранский шах Аббас (1571–1629), однако ни тому, ни другому правителю не удалось отучить своих подданных от пагубных, с их точки зрения, привычек. Не удалось это, впрочем, и русским царям, вплоть до петровских времен столь же радикальными методами борющимися с продажей,

курением и хранением табака, и английским королям, и даже папе Урбану VII, каравшему курильщиков отлучением от церкви. Всюду кофе и табак в конце концов завоевали себе место под солнцем, но только на Востоке их совместное употребление наделили особым смыслом.

Кофе становится любимым напитком селян и горожан, а трубки и кальяны – неременной принадлежностью любой, даже самой маленькой и бедной кофейни. Кофейни же появляются повсюду, в городах и деревнях. В Малой Азии *каведжи* (продавцы кофе) иногда просто складывали очаг из камней у дороги, располагались в тени под деревом со своими припасами и предлагали бодрящий напиток проезжающим. «Везде, где есть несколько анатолийцев, есть уже и кофейня, хотя бы то было под открытым небом», – пишет русский путешественник. Однако настоящая кофейня – это, конечно, не импровизированный очаг у дороги, где можно на ходу проглотить чашку кофе, а место, куда люди приходят отдохнуть, пообщаться, подумать, в общем, содержательно провести несколько часов. «Табак, – писал в начале XIX в. Р. Вальш, сопровождавший британского посланника в путешествии из Стамбула в Англию, – считается необходимой вещью у турок: употребление одного неразлучно с кофе,

Арабская кофейня. Фотография XIX в.

и во взаимных их качествах есть нечто столь между собою сродное, что, кажется, сама природа хотела сделать их неразлучными...» Похожие наблюдения сделал и Г. Друвиль, в это же время посетивший Иран и отметивший две страсти, владеющие персами, – кофе и кальян, являющийся для них «почти необходимостью». Османские пословицы воспевают два «неразлучных» продукта как «две подушки софы наслаждения» и утверждают, что табак без кофе подобен кровати без одеяла. И если посещение общественной кофейни оставалось удовольствием, доступным исключительно мужчинам, то дома, в бане, в султанском гареме женщины предавались кофепитию с тем же энтузиазмом, что и их мужья. Неудивительно, что *кейф* – не столько безделье, сколько приближение к истинному наслаждению, – превратился в своего рода ритуал, и ко всему, связанному с ним, подходили крайне серьезно и неторопливо. Это касается и самого процесса, и приготовления напитка или трубки, и, в не меньшей степени, создания аксессуаров для питья кофе и курения.

Разумеется, степень роскоши курительного или кофейного набора зависела от уровня достатка его владельца, но даже недорогие вещи, в том числе массового производства, делались тщательно и в соответствии с традициями.

В Иране самым распространённым прибором для курения стал кальян, или *нарگیле*. Необходимая часть нарگیле – резервуар, наполненный водой. В воду опускается трубка, на ней укрепляется чашечка с табаком, сверху на него кладут горячие угли и накрывают их крышкой. В резервуар выше уровня воды вставляется эластичная или деревянная трубочка-чубук, через которую курильщик втягивает дым, предварительно прошедший через водяной фильтр. Воду часто ароматизируют, а табак для кальяна используют специальный, иногда тоже с добавками, его несколько раз промывают перед употреблением и раскуривают влажным.

Так как персы привыкли курить и в дороге, то сосуды нарگیле делались двух видов: из хрусталя, меди, покрытой эмалью, и фаянса – для дома, и из кожи – для дороги. Описание Г. Друвилем принадлежностей для курения, используемых в полевых условиях, в дороге заслуживает того, чтобы привести его полностью: «Слуга, называемый Пиш-Кадметом, ездит верхом за своим господином, возит все части кальяна в двух медных сосудах, привязанных к луке седла так, что с одной стороны карафин и чубуки, а с другой трубка, щипцы и табак; сверх того при нём находится большая кожаная бутылка с водой, чтобы можно было

её всякий раз переменять, и конфорка, где огонь питается небольшими лучинками, кои возит тот же слуга. Сии две принадлежности висят на железных цепочках, прикреплённых к задней части седла, по правую и левую сторону, между передними и задними ногами лошади». Таким образом знатный путешественник может курить, сидя верхом, а слуга «держит зажжённый кальян в правой руке, а левою правит лошадь, держа её всегда несколько позади лошади своего господина». Г. Друвиль замечает между прочим, что дорожные наргиле так украшались золотом и эмалью, что стоили часто дороже «домашних».

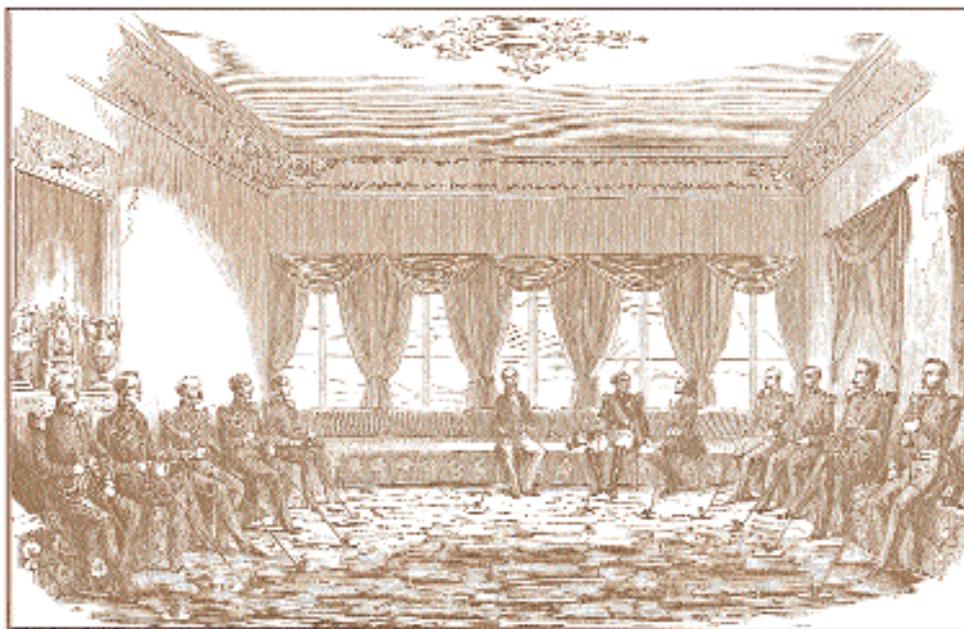
Дорогие, искусно гранёные хрустальные резервуары производили и в Турции, но к концу XIX в. их заменила штампованная продукция, в массовом количестве ввозившаяся из Вены. В Могольской Индии, где курение распространилось в конце правления Акбара (1556–1605), сосуды местных кальянов – *хукка*, обычно сферической или колоколообразной формы, также украшали – серебром, эмалью, драгоценными камнями. Изготовленные из бронзы, керамики или стекла, они покрывались изысканным растительным и геометрическим орнаментом, а иногда и сценами из литературных произведений. Как и в других видах индий-

ских художественных изделий, в производстве *хукка* широко использовалась техника *бидри* – серебряная и бронзовая инкрустация по металлу.

Кроме наргиле, курили и трубки. Особой популярностью они пользовались у османцев, и на территории империи их изготовляли в большом количестве. Первое упоминание о софийском цехе трубочников относится к 1604 г., то есть к началу XVII в. это производство было уже достаточно развито. Первые турецкие трубки делались, видимо, по образцу европейских – из белой глины, с длинными монолитными мундштуками. Позже появились собственно «турецкие», из серой или красной глины, с короткой втулкой для изготовлявшегося отдельно деревянного мундштука. Трубки производились как в крупных мастерских, например в Стамбуле, так и деревенскими кустарями, но во всех случаях навыки и секреты мастерства хранились и передавались ученику непосредственно от мастера, часто от отца к сыну. Глина обрабатывалась особым способом – просивалась, промывалась, растиралась и разминалась на мраморе, «будто повинуюсь дервишескому испытанию», как поэтично определил этот технологический процесс турецкий исследователь М.З. Кушоглу. Трубку

В ритуале приёма европейских гостей турецкими сановниками непременно входило предложение кофе и трубки.

штамповали в двусторонней деревянной форме, до обжига при помощи тонкого прута продельвали отверстие между чашечкой и втулкой, освобождая *думан йолу*, дословно «путь дыма».

Популярная у разных народов легенда о том, как ученик возомнил себя мастером, не усвоив главного в своем ремесле, в турецком варианте рассказывает как раз о *люледжиллик* – производстве трубок¹. Молодой человек, поработав с трубочником и решив, что уже постиг все премудрости, уходит от него, «не опоясавшись передником» (то есть, не выдержав испытания – *имтихан* – и не пройдя обряд *пештамаль кушатма* – посвящения в мастера, сопровождавшегося опоясыванием кандидата особым фартуком). Он берётся за работу самостоятельно, но его изделия, вынутые из печи, одно за другим покрываются трещинами. Рискнув потерять лицо, бывший ученик вынужден возвратиться к учителю и просить у него совета. И вот тогда, наблюдая за действиями наставника, он понимает самое важное: искусство обжига трубок требует внимания и ласки. Мастер гладит каждую, разговаривает с ней и, наконец, переставляя из горячей печи в прохладное место, согревает её дыханием, спасая от резкого перепада температуры... Вряд ли в крупных столичных мастерских, где однотипные трубки выпускались ог-

ромными партиями, ремесленники сохраняли столь интимные отношения с каждой вещью, но легенда передаёт пietet, с каким мастер относится к своему изделию.

Турецкие трубки (*чубук*) различались длиной деревянного мундштука: в ходу были как длинные, достигавшие 2–2,5 м, так и короткие, с мундштуком 30–40 см. Короткие чубуки могли выглядеть достаточно просто, их носили за поясом вместе с трутом, кремнём и огнём и курили, где заблагорассудится.

Длинные трубки курили в домах, кофейнях и *хаммах* (банных). Во дворцах и домах вельмож этот процесс представлял собой целую церемонию, и в её организации участвовали иногда три человека. *Тютюнджобаши* приготавливал табак и добавлял в него различные ароматические вещества, *чубукдар* набивал трубки и подавал их курильщикам, а *атеш огланы* серебряными щипцами доставал из раскалённого мангала угольки, чтобы зажечь табак. *Чубукдар* – центральная фигура этого действия, он прислуживает хозяину и гостям, поэтому должен быть молод, хорош собой и прекрасно одет. Часто он становился доверенным лицом своего господина и, преодолев рубеж подходящего для этой должности возраста, мог рассчитывать на головокружительную карьеру.

Трубки, предлагавшиеся гостям, демонстрировали вкус и достаток хозяина дома и постепенно становились не только художественными изделиями, но и предметом роскоши. В 1781 г. даже появился специ-

¹ Вообще, *люледжиллик* – более широкое понятие, так как из той же трубочной глины выполнялись и другие изделия – сосуды, письменные приборы и, конечно, кофейные чашечки.

Вечер за трубкой или наргиле в кофейне проводили турецкие мужчины любого достатка.

альный султанский указ, запрещающий делать и продавать трубки, инкрустированные золотом и драгоценными камнями. Особым искусством долгое время оставалось создание длинного мундштука из черешневого дерева или из особо ценимого жасмина. В пригороде Стамбула Ортакее жасмин для этой цели выращивался специальным образом: чтобы получить абсолютно прямой ствол, по мере роста на него надевали металлические кольца. Готовый материал высушивали полтора года и затем с помощью длинного сверла изготавливали мундштук.

Не менее серьёзно на Востоке относились и к организации кофепития. Кофе также подавали в частных домах, банях и, конечно, в кофейнях. Он мог завершать трапезу, но и в этом случае, вкупе с курением, питье кофе превращалось в отдельный процесс, обладающий самостоятельной ценностью. «Трудно вообразить себе величавость восточных народов, когда они кушают кофе. Во время сей церемонии, продолжающейся иногда около десяти минут, хотя чашки и очень малы, сохраняется великое молчание...», – пишет Г. Дривиль.

Он отмечает также, что кофейные чашки у персов подаются без блюдец, и чтобы не обжечься, их вставляют в другие, серебряные чашечки. Такие же маленькие тонкостенные чашечки без ручек и блюдец традиционно были в ходу и у турок. Глиняные, фаянсовые, фарфоровые или стеклянные, они ставились в своеобразные

«подстаканники» – *финджан зарфлары* (футляры для чашки), по виду больше всего напоминающие европейскую рюмку. Иногда в музеях, где специализация сотрудников не связана с восточной тематикой, эти изделия так и числятся «рюмками». *Финджан зарфлары* сами по себе могли быть произведениями искусства. Их делали из серебра, бронзы, меди и золота и украшали филигранью, просечкой, резьбой и расписными эмалями. Но и это ещё не все: встречались экземпляры из черепахового панциря, слоновой кости, рога, из твердых и ароматных сортов дерева...

Отказаться от чашки кофе считалось неуважительным, также как закончить пить его раньше самого почтенного из приглашённых.

Потребление кофе и табака стало необходимым элементом жизни мусульманина, причём жизни не только материальной, но в неменьшей степени и духовной. Юноша и девушка из турецкой народной сказки едут по дороге, «наслаждаясь тюльпанами и гиацинтами, попивая кофе и покуривая табак...», и эти занятия выглядят в равной мере возвышающими душу, ибо настраивают на размышления и созерцание.

Теофиль Готье, описывая последствия страшного пожара в Стамбуле, замечает, что турки на пепелище курили трубки, «полностью смирившись со своей судьбой», *каведжи* «варил кофе на плите, стоявшей на месте его кофейни, а вокруг сидели... все его верные клиенты». Возвращение к кофе и трубке знаменует собой возрождение жизни в сгоревшем квартале,

вость, прелесть которой, неведомая деятельным умам, столь хорошо известна умам созерцательным». В письме леди Монтегю, жены английского посла, посетившей Стамбул в 1717 г., создана поистине идеализированная картина восточного мира: «Я почти убеждена, что их [т.е. турок] представление о Жизни правильно, ибо они тратят её на Музыка, Сады, Вино и изысканную пищу, тогда как мы ломаем головы над

а импровизированная кофейня даёт возможность не только отдохнуть и согреться, но и на какое-то время отодвинуть от себя земные проблемы.

«Поспешность – создание дьявола, отдохновение – творение Всемогущего Аллаха», – гласит турецкая поговорка. Именно своеобразным храмом отдохновения и стали восточные кофейни. Местом «встреч бездельников всех сословий» назвал их Ян Потоцкий, посетивший Турцию и Египет в 1784 г., но это определение верно только отчасти. Курение и кофепитие стали не просто поводом для праздного времяпрепровождения, но способом забыть «противоречия повседневности», отрешиться от суеты и невзгод и погрузиться во внутренний, более важный и значимый мир.

Понятна ли была предприимчивому европейцу Нового времени психология человека, способного потратить массу драгоценного времени на удовольствие сидеть в кофейне, употребляя, по выражению Г. Друвиля, «род грязи, которую, можно сказать, более едят, нежели пьют»? Или описанного М. Вронченко клиента турецкой бани, после мытья и массажа получающего чашку кофе и трубку и проводящего так больше часа, «не говоря ни слова и неподвижными глазами глядя перед собой на что попало»? Во всяком случае, уже в XVIII в. некоторые из посетивших мусульманские страны христиан высказывают уважение к восточному образу жизни и мысли и даже восхищение им. «На Востоке, – пишет Ян Потоцкий, – проповедник покоя не знает недостатка в слушателях... Житель Константинополя... проводит целые дни, погружённый в мечтательную задумчи-

выми Политическими замыслами или изучаем какую-нибудь Науку, которую так никогда и не можем постичь, а если и постигаем, не можем убедить других придавать ей такое же значение, какое придаём сами...». Конечно, эту сентенцию образованной англичанки, приведённую в книге известного американского востоковеда Бернарда Луиса, можно воспринимать как своего рода «унижение паче гордыни», но надо сказать, что такой романтический подход к образу мышления восточных людей, восхищение их душевным спокойствием были в то время свойственны европейцам её круга.

Современный английский писатель Дж. Фаулз вкладывает в уста своих персонажей мнение на этот счёт западного человека XX столетия. Старый профессор, много лет проживший в Египте, характеризует восточный *кейф* как «состояние, когда человек сидит, размышляет и ничего не делает: существование как бы в ожидании поезда, который никогда не придёт». – «Мне кажется, это очень печально», – реагирует его собеседница. «Это – философия неизбежности. Она всегда печальна», – следует ответ.

Однако, как бы ни относились просвещённые европейцы к спокойной мудрости и внутренней гармонии восточного мира, Новое время стало эпохой возвышения

Европы и падения мощи мусульманских держав. Восток был вынужден заинтересоваться Западом – во всяком случае истоками его материального благосостояния и военного могущества. И чем дальше заходил процесс *вестернизации*, чем больше входила в моду привычка носить часы и следить за движением если не минутной, то, по крайней мере, часовой стрелки, тем чаще кальяны и длинные чубуки уступали место сигаретам – способу курить табак, не требующему самоуглубления и отвлечения от дел.

И все-таки традиция *кейфа* не оборвалась даже в Турции – стране, подвергшейся вестернизации в наибольшей степени. В конце XIX в., по свидетельствам очевидцев, в Стамбуле собиралось множество курильщиков кальяна, но все они были европейцы, искатели азиатской экзотики.

Заведений, рассчитанных на любознательных туристов, здесь немало и сейчас, но и сами стамбульцы с удовольствием проводят время в кофейнях – с кальяном и чашечкой кофе или всё чаще заменяющего его чая – чёрного, яблочного, липового – в традиционных грушевидных стаканчиках *армут*.

И дело, скорее всего, не только в очевидно обозначившемся в последние десятилетия интересе народов Азии к собственным корням и обычаям. И не только в том, что образ Востока в той или иной форме всегда в моде на Западе. Просто ни промышленная революция, ни внешние влияния, как бы сильны и продолжительны они ни были, не в состоянии полностью разрушить культурные традиции и сложившееся веками восприятие мира.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг:
 Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах... М., 1826. РГБ: И 35/143; W 54/161;
 Gravürlerle Türkiye. Т. 3. Ankara, 1996. РГБ: 3В 15-29/191.

Вальш Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. СПб., 1829. РГБ: И 15/162; S 32/632.

Волков И. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М., 1999. РГБ: 100-13/199-4; 100-13/200-1.

Вронченко М.П. Обзорение Малой Азии в нынешнем её состоянии. СПб., 1839 – 1840. РГБ: 84/18 S 52/42.

Гордлевский В.А. Из османской демонологии. – Избранные сочинения, М., 1962. Т. III. РГБ: Б 60-13/54; Б 60-13/56.

Салтыков А.Д. Путешествие в Персию. М., 1849. РГБ: W 62/4; V 82/154.

Lecompte P. Les arts et métiers de la Turquie et de l'Orient. Paris, 1902.

Kusoglu M. Dünkü Sanatımız Kültürümüz. Jstanbul, 1994.